

**С.П. Шестернин**

**Десятилетие Морозовской  
стачки**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
С11

С11 **С.П. Шестернин**  
Десятилетие Морозовской стачки / С.П. Шестернин – М.: Книга по Требова-  
нию, 2019. – 41 с.

**ISBN 978-5-458-17335-3**

Издание "Союза борьбы за освобождение рабочего класса"

**ISBN 978-5-458-17335-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



„Борьба есть начало всего“.

Въ маѣ 1896 г. исполнилось десять лѣтъ, какъ судили въ г. Владимірѣ рабочихъ громадной фабрики С. Морозова за бунтъ и стачку. Въ этотъ день имъ сказали присяжные засѣдатели: „Нѣтъ, вы не виновны, а виновенъ вашъ хозяинъ, Тимошей Саввичъ Морозовъ, виновны тѣ безчеловѣчные порядки, которые существовали на вашей фабрикѣ“.

Эта стачка имѣла такое громадное значеніе, что каждому рабочему необходимо знать ея исторію; знать, чѣмъ она была вызвана, чѣмъ окончилась и какихъ уступокъ удалось добиться морозовскимъ стачечникамъ. Русскіе рабочіе могутъ съ гордостью оглянуться назадъ, вспоминая дружную и мужественную борьбу своихъ товарищей, съумѣвшихъ добиться удовлетворенія своихъ требованій и оказавшихъ этимъ великую услугу всѣмъ русскимъ рабочимъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Фабрика Саввы Морозова, или точнѣе Тов. Никольской Мануфактуры Саввы Морозова, Сынъ и Компанія, находится въ одной верстѣ отъ станціи Орѣхово, Моск.-Нижегород. ж. д., въ предѣлахъ Владимірской губ. Мѣстность, занимаемая фабрикой Саввы Морозова и другого фабриканта, Викулы

Морозова, называется мѣстечкомъ Никольскимъ, которое только рѣкою Клязьмою отдѣляется отъ громаднаго фабричнаго с. Зуева, уже Московской губерніи. Въ одномъ мѣстечкѣ Никольскомъ въ настоящее время живетъ до 30 тыс. фабричнаго населенія, а вмѣстѣ съ с. Зуевымъ м. Никольское имѣетъ до 50 тыс. человѣкъ. Фабрика Саввы Морозова, имѣвшая въ 1885 г. до 8 тыс. рабочихъ, основана въ 1833 году. Первая стачка на этой фабрикѣ была около 1865 года, а вторая — въ 1871 г., но эта стачка носила мирный характеръ и не имѣла никакого успѣха, такъ какъ въ ней принимало участіе только 400 рабочихъ. Понятно, что Морозовъ не испугался такой сранительно небольшой кучки недовольныхъ. Ему-ли, всемогущему милліонеру, не справиться съ 4 сотнями рабочихъ, голодныхъ бѣдняковъ, когда въ запасѣ у него сколько угодно рабочихъ рукъ. Онъ такъ и сказалъ рабочимъ: „Уходите, на ваше мѣсто найдутся другіе“. Рабочіе получили расчетъ, а затѣмъ голодъ, неумолимый врагъ бѣдняковъ, прогналъ ихъ на работу, и они продолжали работать на прежнихъ основаніяхъ. А условія эти съ каждымъ днемъ ухудшались: отъ 1882 по 1884 годъ плата была сбавлена 5 разъ, а въ 1884 г. заработная плата была понижена сразу на одну четверть или на 25 проц., т. е. рабочій, вмѣсто каждаго рубля, сталъ получать только 75 коп. Но этого было мало Морозову: онъ приказалъ своимъ служащимъ штрафоватъ рабочихъ какъ можно строже. Каждый годъ Морозовъ собиралъ съ рабочихъ въ видѣ

штрафовъ нѣсколько десятковъ тыс. рублей, и всѣ эти деньги, по прежнему закону, шли въ карманы фабрикантовъ. Въ то время хозяинъ, по закону, имѣлъ право налагать на рабочаго какой-угодно штрафъ, и при томъ, за все, за дѣло и безъ дѣла. Напр., за куреніе штрафовали у Морозова по 3, 4 и даже по 5 руб. За прогульный день вычитали у рабочаго трехъ-дневную плату, да еще 50 коп. „Не вольничай, не смѣй гулять“, говорили рабочему, хотя онъ не пришелъ на работу по уважительной причинѣ. Даже во время похоронъ отца или жены рабочій могъ не работать только половину дня, а если пробудетъ дольше, то платитъ безчеловѣчный штрафъ. Выходитъ, что рабочій не смѣетъ предаваться горю, не смѣетъ забывать даже въ самыя горькія минуты жизни, что онъ простая машина для добыванія барышей фабриканту. А фабриканту, конечно, дѣла нѣтъ до того, что человѣку, спустившему въ могилу жену или отца, не тотчасъ пойдетъ на умъ работа, да и домашнія дѣла надо привести въ порядокъ. Даже въ томъ случаѣ, если рабочій гулялъ по винѣ фабриканта (напр., при задержкѣ основъ и т. п.) за прогуль все таки вычитали. Штрафы назначались въ отсутствіи рабочаго, и товаръ, по мнѣнію браковщиковъ, испорченный, не показывался рабочему, при чемъ, взыскивая штрафъ полностью, контора записывала въ расчетную книжку только  $\frac{2}{3}$  штрафной суммы. А если у рабочаго набралось много штрафовъ, и они составляли половину заработка, то на всякій случай, именно, чтобы скрыть безоб-

разные штрафы, книжки уничтожались, а рабочему выдавалась чистая книжка. Плохого рабочего не рассчитывали, а съ удовольствіемъ держали, разъ онъ не спорилъ противъ штрафовъ. Контора фабрики употребляла всякія хитрости, чтобы какъ-нибудь оштрафовать рабочего, или заплатить ему поменьше. Пустьятъ, напр., пошире товаръ, или немного измѣнять его, а рабочему говорятъ, что это новый товаръ и назначаютъ новую низкую плату. Самъ Тимоѳей Саввичъ Морозовъ призналъ на судѣ, что онъ ввелъ новый товаръ „молескинъ“, а плату назначилъ такую, что втеченіе двухъ недѣль на этомъ „молескинѣ“ ткачъ зарабатывалъ только 1 р. 25 к., а въ мѣсяцъ съ небольшимъ 2 р. съ полтиной.

Кромѣ низкой платы и штрафовъ, рабочихъ до-нимали разными вычетами. Надо замѣтить, что въ м. Никольскомъ частныхъ домовъ нѣтъ, а потому рабочіе живутъ въ фабричныхъ каморкахъ. Морозовъ ухитрялся и тутъ поживиться на-счетъ рабочихъ: за баню, освѣщеніе каморокъ и уголья вычитали съ cadaго рабочего по 35 коп. Каждый лишній человекъ въ каморкѣ облагался въ пользу Морозова податью въ 35 коп. Родится, скажемъ, у ткачихи ребенокъ, и за него брали подать, такъ какъ, по мнѣнію Морозова, только рабочіе могутъ бесплатно пользоваться каморками, а ихъ дѣти — живи, гдѣ хочешь: они не нужны фабриканту, пока малы!

Сколько же вычитаетъ Морозовъ съ одного рабочего, или вѣрнѣе, сколько удавалось Морозову

урвать въ свой карманъ изъ заработка рабочаго? А вотъ посмотрите: на судѣ Никифоровъ показалъ, что у него въ мѣсяцъ отнимали по 3 р. и по 3 р. 50 к., а у Маркова даже по 8 р. Бывали иногда случаи, что рабочему ничего не платили: весь его заработокъ уходилъ на штрафъ. Такъ говорятъ рабочіе. Все это постороннему человѣку покажется просто невѣроятнымъ, и онъ можетъ подумать, что рабочіе нарочно наговорили на Морозова, на самомъ же дѣлѣ ихъ не такъ обижали. Но вотъ имѣется показаніе ткацкаго мастера Шорина, который особенно строго относился къ рабочимъ и штрафовалъ ихъ неимоვნю. Во время стачки рабочіе сорвали свою злобу прежде всего на Шоринѣ. Все его имущество было до тла уничтожено. Какъ видите, такого человѣка нельзя заподозрить въ большой любви къ рабочимъ, но и этотъ Шоринъ удостовѣрилъ на судѣ, что изъ cadaго заработаннаго рубля вычитали въ пользу Морозова отъ 30 до 50 коп. Судебный слѣдователь Баскаревъ, производившій слѣдствіе по этому дѣлу, предъявилъ на судѣ составленныя имъ таблицы, изъ которыхъ видно, что штрафы на фаб. Морозова съ 1881 г. по 1884 г. возросли болѣе, чѣмъ въ-два съ половиною раза, а у отдѣльныхъ рабочихъ вычитали съ cadaго рубля отъ 5 до 40 к. Надо еще взять въ расчетъ, что свои таблицы суд. слѣд. составлялъ по конторскимъ книгамъ, а какъ уже сказано выше, въ книгахъ записывалось меньше, чѣмъ взыскивалось на самомъ дѣлѣ. Если взять штрафы, записанные въ контор-

скихъ книгахъ, и разложить на всѣхъ рабочихъ, то окажется, что каждый морозовскій рабочій въ среднемъ платилъ штрафовъ по 25 коп. съ каждаго заработаннаго рубля. Заплатить изъ каждыхъ 12 р 3 р. штрафа или изъ каждыхъ 10 р. 2 р. 50 к. — это чистый грабежъ, а вотъ Тим. Сав. Морозову казалось и этого мало. Ему казалось, что онъ грабитъ меньше, чѣмъ другіе фабриканты, при этомъ онъ указывалъ на Лепешкинскую мануфактуру, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была стачка рабочихъ вслѣдствіе того, что фабрика сократила число рабочихъ дней въ недѣлѣ до 4½. Какъ мы видимъ, на Морозовской фабрикѣ четвертая часть заработка отнималась у рабочаго и шла въ карманъ Морозова; такимъ образомъ, выходило, что рабочій, проработавъ 6 дней, получалъ вознагражденіе за 4½, а 1½ дня работалъ совершенно даромъ на Морозова, тогда какъ на Лепешкинской фабрикѣ эти 1½ дня рабочіе были совершенно свободны. Стало быть, Морозовъ сильнѣе пользовался ихъ даровымъ трудомъ, чѣмъ Лепешкинская мануфактура.

Вотъ какіе порядки были на морозовской фабрикѣ въ 1884 г. Понятно, что всѣ рабочіе были страшно озлоблены противъ хозяина; не доставало только искры, чтобы загорѣлось пламя. Въ это время, въ ноябрѣ 1884 года, на морозовскую фаб. поступаетъ ткачъ Петръ Анисимовичъ Мосеенокъ, вмѣстѣ со своей женой, Екатериной Сазонтовной, тоже ткачихой. Петръ Анисимовичъ, невысокій бѣлокурый человекъ, съ открытымъ, добродушнымъ

лицомъ, голубыми глазами и задушевнымъ голосомъ, онъ не мало уже пережилъ на своемъ вѣку. За устройство нѣсколькихъ стачекъ среди петербургскихъ рабочихъ, послѣ 17мѣсячнаго предварительнаго заключенія, онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ (т. е. безъ суда) въ Восточную Сибирь на поселеніе, откуда возвратился въ Россію вслѣдствіе Манифеста, изданнаго въ 1883 г. по случаю коронаціи, и вскорѣ поступилъ къ Морозову. Тотчасъ же по поступленіи на фабрику, Мосеенокъ познакомился съ морозовскими порядками и замѣтилъ, что рабочіе, главнымъ образомъ, недовольны вычетами изъ заработной платы. Онъ быстро сошелся со многими рабочими (между прочимъ, съ Василиемъ Сергѣевичемъ Волковымъ) по вечерамъ въ казармахъ собиралъ вокругъ себя рабочихъ, читалъ съ ними книги, много говорилъ о тяжеломъ житѣй рабочихъ и о средствахъ улучшить свое положеніе; онъ говорилъ товарищамъ, что только путемъ общей забастовки можно заставить Морозова возвысить плату и уничтожить штрафы. Слова Мосеенка, прозваннаго рабочими студентомъ за его обширныя знанія, пали на хорошую почву: рабочіе рѣшились устроить передъ Рождествомъ стачку, но отступили отъ этого плана только потому, что, благодаря стачкѣ, они остались бы безъ денегъ на праздникъ. Рѣшено было устроить стачку послѣ Рождества. Новое совѣщаніе о стачкѣ состоялась 5-го января 1885 года въ селѣ Зуевѣ, въ ренскомъ погребѣ Коншея, куда, по приглашенію Мосеенка собрались чел. 20 ткачей, ко-

торые, сдвинувъ столы, усѣлись кругомъ за четверть водки и стали тихо совѣщаться, при чемъ больше всѣхъ говорилъ Мосеенокъ, а остальные слушали. На этой сходкѣ былъ и Вас. Сергѣевичъ Волковъ. Окончательнаго рѣшенія въ это время не было принято: рабочіе рѣшили собраться на другой день въ трактирѣ „на пескахъ“, при чемъ Мосеенокъ сорѣтовалъ собрать побольше народу. Часовъ въ 12 утра 6-го января чел. 50 рабочихъ собралось въ трактирѣ Трофимова, расположенномъ на песчаномъ берѣгу Клязьмы. На этой сходкѣ больше всего говорили Мосеенокъ и Волковъ. Служащіе въ трактирѣ показывали на судѣ, что Мосеенокъ и Волковъ читали какую-то записку, (это были требованія, котораго рабочіе должны были предъявить къ хозяину) толковали, что трудно жить, что надо что-нибудь устроить, совѣщались и о стачкѣ. На этой сходкѣ было рѣшено: на слѣдующій день на работу не ходить, а собраться всѣмъ у фабричныхъ корпусовъ и оставаться на улицѣ. Но этотъ планъ не удался: въ этотъ же день вечеромъ конторщикъ прядильнаго отдѣленія. Гаранинъ, донесъ директору Діанову, что ткачи собираются бунтовать и что въ селѣ Зуевѣ видѣли челоуѣкъ 150 раб., которые совѣщались о стачкѣ. Тогда Діановъ распорядился еще съ вечера, чтобы работающіе при фабрикѣ торфяники не расходились на утро на работы, а оставались въ своихъ казармахъ. Часу въ пятомъ утра 7-го января торфяники были разставлены около ткацкаго корпуса для наблюденія за фабричными рабочими. Сначала

казалось, что въ этотъ день забастовки не будетъ, такъ какъ все шло по заведенному порядку. Въ 5 час. утра сторожа при казармахъ прошли съ колотушками по корридорамъ, послѣ чего стали изъ казармъ выходить рабочіе, направляясь каждый къ своему корпусу. Тѣ изъ нихъ, которые работали въ ново-ткацкомъ корпусѣ, стали было останавливаться у дверей корпуса, переговариваясь между собой, но поставленные здѣсь торфяники принудили ткачей войти въ корпусъ. Въ шестомъ часу утра показался газъ во всѣхъ фабричныхъ корпусахъ, и работа началась. Въ ново-ткацкомъ корпусѣ, во всѣхъ трехъ этажахъ, ткачи стали у станковъ и также принялись за работу, но это продолжалось недолго. Уже въ исходѣ шестого часа было замѣтно волненіе въ этомъ корпусѣ: рабочіе отходили отъ станковъ, собирались кучками и переговаривались. Ровно въ шесть часовъ утра во второмъ этажѣ ново-ткацкаго корпуса раздались призывные крики: „Бабы, выходите вонъ, гасите газъ, всѣ кончайте работу, сегодня праздникъ!“ Вслѣдъ за этимъ ткачи, перебѣгая изъ второго этажа въ третій, стали гасить газъ, и съ крикомъ „ура!“ толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ вышла на улицу и двинулась по направленію къ сосѣднему прядильному корпусу, гдѣ работа еще продолжалась. Войдя въ прядильный корпусъ, ткачи раздѣлились на четыре партіи и разошлись по четыремъ этажамъ, гдѣ стали завертывать газовые рожки. Прядильщики были на сторонѣ ткачей, а потому тотчасъ же, какъ появились ткачи, во всемъ

зданіи раздались крики: „Кончайте работу!“, при этомъ тушили газъ, рвали пряжу и разбивали газовыя фочари, бросая въ нихъ катушками пряжи. Послѣ этого работы въ прядильномъ корпусѣ прекратились. Всѣ прядильщики, присоединившись къ ткачамъ, вышли вмѣстѣ съ ними на улицу, гдѣ, такимъ образомъ, образовалась толпа тысячи въ три чел. Вооружившись кольями, кирками, ломами, кусками кирпичей и торфа, ткачи, совместно съ прядильщиками, напали на торфяниковъ, этихъ жалкихъ защитниковъ хозяйскихъ интересовъ, и прогнали ихъ, а затѣмъ забастовщики, раздѣлившись на двѣ части, направились по двумъ главнымъ фабричнымъ улицамъ, по Никольской и Англійской. Та партія, которая направилась по Никольской, пыталась было войти во дворъ главной конторы, но торфяники, прогнанные отъ ткацкаго корпуса, собрались здѣсь и успѣли запереть ворота. Разбивъ стекла въ окнахъ конторы, рабочіе вернулись къ ново-ткацкому корпусу, и здѣсь, соединившись съ товарищами, возвратившимися съ Англійской ул. подошли къ красильному корпусу, чтобы привлечь на свою сторону и красильщиковъ, но ворота красильнаго отдѣленія оказались запертыми. Тогда рабочіе разбили ворота, а нѣкоторые изъ нихъ ворвались въ паровое отдѣленіе, гдѣ и заставили паровщика остановить паровую машину, послѣ чего изъ всѣхъ этажей красильнаго корпуса рабочіе вышли на улицу. Такимъ образомъ, работы во всѣхъ отдѣленіяхъ фабрики прекратились. На улицѣ образовалась толпа рабочихъ тысячъ въ пять или